

Красный Рог

Как проехать в имение «Красный Рог» Алексей Константинович Толстой описал сам в письме Фету: «...От Брянска дорога на Выгоничи- 80 верст, а оттуда в самый Красный Рог- 25 верст, где будем ожидать Вас с распростертыми объятиями». Воспользовавшись этим описанием, мы с женой, в сентябре 1979-го года проделали на автомобиле путь от Москвы до Брянска, а затем и до Красного Рога.

Желание посетить эти места были связаны с неким культом Алексея Константиновича, который царил в моей семье, где все были охотники, любители русской природы, и где отчим моего отца- Чернский врач Алексей Михайлович Полилов (Михалыч, выведенный отцом в его «От первых проталин до первой грозы»¹) любил цитировать строки из поэмы «Садко», про то как в весеннем лесу, пробившись «сквозь лист прошлогодний», синееет медуница, а воздух напоен запахом трав и душистой березы.

Я наметил маршрут, который проходил через когда-то уездный город Чернь, что примерно в ста километрах на юго-запад от Тулы, рассчитывая погрузиться в атмосферу детства отца, когда Михалыч ходил с ним на рыбалку и читал стихи Алексея Константиновича... Прямо скажу, мало что из этого получилось: за годы советской власти Чернь изменилась до неузнаваемости и, отнюдь, не в лучшую сторону, так что ни дома, ни старой школы, ни дороги к реке, как ее описывал отец, я найти не смог. Правда, в каком-то смысле, нам повезло, поскольку по подсказке молоденькой учительницы из новой школы, мы нашли местного старожила- директора краеведческого музея, в гостях у которого и провели два чудесных дня. Жил он на улице, разумеется, Карла Маркса, проехать по которой на машине было очень трудно, ввиду грязи и бугристости. Но хозяева были люди очаровательные. Николай Михайлович был вдовец или холостяк (сейчас уж не помню), и жил со своей 90 с чем- то летней мамой, которая светилась

(¹ Г.А.Скребицкий.«От первых проталин до первой грозы».Детск. литер.1979)

приветливостью и добротой. Она мне говорила: « Если у вас настроение плохое или не ладится что-то, сложите вот так ручки, повернитесь к солнышку, и все будет хорошо... Папу вашего я не помню, он тогда был молодой человек, и у него была своя компания, а вот бабушку вашу- Надежду Николаевну помню хорошо- очень была приветливая женщина, я ей белье стирала».С Николаем Михайловичем мы ездили на Бежин луг, который произвел на меня большое впечатление и показался похожим на дно какой-то чаши, лежа на котором,. видишь небо и только небо. Была у меня еще одна идея: неподалеку от Черни на пути к Мценску находилось имение моего прадеда- Николая Степановича Скребицкого- Агибалово.

.Расположено оно было, вблизи села Тургенево, что на реке Снежедь-родового имения отца Ивана Сергеевича, примерно в 20 километрах от Спасского- Лутовиново, и я думал, что, как знать, может прадед мой охотился вместе с Иваном Сергеевичем где- ни будь в районе Бежина луга. Никаких подтверждений этой гипотезы я не нашел, но опровержения, разумеется, тоже не встретил, так что продолжаю играть в эту мысль и по сей день.

Следующая наша остановка была Спасское- Лутовиново. Мы стали на ночлег в березовой роще, неподалеку от имения. Помню, что утром, пока я маялся в машине мигренью, жена набрала целую корзину прекрасных белых грибов.. Странная вещь память!. Почему из всей цепи впечатлений запомнились только мигрень и белые грибы? Нет, конечно, еще запомнилась, - но это было немного позднее- прогулка по замечательному парку, окружающему барский дом, который был сожжен во время войны и тогда еще не восстановлен. Когда бродил по аллеям и сидел под старыми деревьями, то казалось, живи я здесь, может быть, и из под моего пера тоже потекли бы «Вешние воды»....

Но вот позади Спасское- Лутовиново., Мценск, .Орел, Брянск, Выгоници, и вот уже видна цель нашей поездки- Красный Рог.

Когда подъехали к воротам именья, превращенного, как потом поняли, в дом отдыха, то вместо хозяев с распростертыми объятиями к нам вышли два покачивающихся мужчины, тащившие под руки третьего, который стоять на ногах уже никак не мог; из сада, или, вернее, из того во что он был превращен раздавались звуки «забиваемого козла», сопровождавшиеся соответствующими выкриками.

Я не стал выходить из машины, а открыл томик стихов Алексея Константиновича и начал читать жене провидческую поэму « Порой веселой мая...», где все это и было предсказано:

« Но кто же люди эти, -
Воскликнула невеста,-
Хотящие, как дети,
Чужое гадить место?»

- Чужим они, о лада,
Немногое считают:
Когда чего им надо,
То тащут и хватают».

.....

В одном согласны: все лишь:
Коль у кого именье
Отымешь и разделишь,
Начнется вожделенье.

Весь мир желают сгладить
И тем ввести равенство,
Что все хотят загадить
Для общего блаженства!...»

В день приезда мы не стали заходить в имение, а отъехали с километр и устроили стоянку на краю села у ствола поваленного дерева. Мы перекусили, немного отдохнули, и, так как день уже клонился к вечеру, я отправился погулять в видневшийся неподалеку лес. Тайным намерением, неосуществимостью которого я вполне сознавал, было найти, хотя бы примерно, то место, где Алексей Константинович стоял на тяге, и где были написаны эти дивные строки:

« Сквозит на зареве темнеющих небес
И мелким предо мной рисуется узором
В весенние листы едва одетый лес,
На луг болотистый спускаясь косогором...»

То была весна 1871- го, а сейчас осень 1979-го. Где же здесь можно было что- ни будь найти? И все же, побродив часок- другой, я наткнулся на то, что, хотя и смутно, но напоминало пейзаж, описанный в стихотворении: дубы на склоне оврага («...и прошлогодний лист зашелестел в дубах...»), осинка на краю луга, к которой он прильнул, когда вальдшнеп «трепещущей чертой» приближался к нему « в последнем свете дня». Да, это могло быть здесь, потому что, в конце концов, не так уж важно, где настигают человека воспоминания о минувшем, и ему является «погибшая весна» его юности..

На следующий день мы сходили в имение или, вернее, в то, что от него осталось после того как война прошла здесь по полной программе: барский дом был сожжен, как говорили, нашими войсками при отступлении, сад значительно пострадал, и трудно было себе представить как выглядело это в те давние времена, когда здесь жили Алексей Константинович и Софья Андреевна, когда сюда приезжал Афанасий Афанасиевич Фет и подолгу

гостил любимый племянник Андрей Бахметов, Андрейка, которого Толстой приучал к охоте на глухарей и вальдшнепов.. Сохранился, правда, флигелек, в который были снесены все вещи, имевшие отношение к обитателям имения, но это лишь в слабой степени давало ощущение жизни.

.....И все же, в этот визит имение произвело более благоприятное... впечатление, чем в день нашего приезда: пьяных видно не было, а, главное, прогулки по окрестностям создали уже некую атмосферу Красного Рога, где усадьба была важной, но не главной частью. Не более, скажем, важной чем прекрасная дубовая роща по соседству или сосновый бор, устланный пышным папоротником, по которому вполне мог бы ехать на своем Чубаром Илья Муромец, отринувший богатство и роскошь Киевского двора, где Владимир оскорбил его, обнеся чашей; ехать и сердито ворчать:

«... Ну, Владимир, что ж?

Посмотрю я, без Ильи- то

Как ты проживешь?...

...

Не терплю богатых сеней,

Мраморных тех плит.

От царьградских от курений

Голова болит!

Душно в Киеве, что в скрыне,

Только киснет кровь!

Государыне пустыне

Поклонюся вновь!...».

Со времени нашей поездки в «Красный рог» прошло более тридцати лет, и в нашей жизни появились и богатые сени и мраморные плиты, и машины за миллион и больше, но отношение к этим ценностям, вопрос том, чем за все

это приходится платить- стоит также остро, как и тогда, когда жил Алексей Константинович, также как и в то очень далекое время, о котором любил писать... Восьмой век, Дамасский халифат, Иоанн Дамасскин, любимый калифом, живущий во дворцах, окруженных «благоуханными садами», взмолился:

«... О государь, внемли! Мой сан,
Величье , пышность , власть и сила,
Все мне несносно, все постыло.
.....
Среди пиров, в главе дружин,
Иные слышатся мне звуки;
Неодолимый их призыв
К себе влечет меня все боле-
О, отпусти меня калиф,
Дозволь дышать и петь на воле!»

И, оказавшись на свободе, восклицает, столь нам всем хорошо знакомое:

« Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды!».

Или, вот, другой герой- Садко, волею судеб, попавший к водяному царю и окруженный несметными богатствами, мечтает совсем о другом.... (Мне представляется бард, которого захватил миллионер с Рублевки, чтобы тот развлекал его и его гостей музыкой и песнями, разрешая пользоваться всем, с условием не выходить за пределы «дачи»). И вот, в какой- то момент, Садко тоже не выдержал и тоже взмолился:

« ...Что пользы мне в том, что сокровищ полны
Рублевские¹ эти хоромы?
Увидеть бы мне хоть бы зелень сосны!
Прилечь хоть на ворох соломы!

¹ В оригинале «Подводные».

Богатством своим ты меня не держи;
Все роскоши эти и неги
Я б отдал за крик перепелки во ржи,
За скрип новгородской телеги!...»

Да, несмотря на старомодность манеры, на всю эту былинную стилистику, он поразительно современен. Взять, хотя бы такую популярную сейчас тему как происхождение человека. Какие копы ломаются: от обезьяны или от Бога?! И это, конечно, взаимоисключаемо! Так же в 1872-ом году, когда эта проблема только возникла после публикации книги Дарвина, считал и главный цензор страны, председатель «комитета о печати» Михаил Лонгинов. А Алексей Константинович в письме к нему излагал иную точку зрения:

« Правда ль это, что я слышу?
Молвят овамо и семо;
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?

Полно, Миша! Ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь
Так тебе обиды нету
В том, что было до потопа.
.....
Отчего б не понемногу

Введены во бытие мы?
Иль не хочешь ли уж богу
Ты предписывать приемы?

Способ, как творил создатель,
Что считал он боле кстати-
Знать не может председатель
Комитета о печати...»

И, прямо отвечая нашим церковным иерархам, которые говорят, что то вроде того; что мол, если вам нравится происходить от обезьян, то это- ваше дело, он замечает:

«...Да и в прошлом нет причины
Нам искать большого ранга,
И, по мне, шматина глины
Не знатней орангутанга...»

Так что, с его точки зрения , вера в Бога совсем не исключает эволюционный путь развития, скорее наоборот:

«... Ограничивать так смело
Всесторонность божьей власти...
Ведь такое, Миша, дело
Пахнет ересью отчасти!

Ведь подобные примеры
Подавать неосторожно,
И тебя за скудость веры
В Соловки сослать бы можно!...»

Он не любил разночинцев: очень скептически относился к Писемскому, не оценил раннего Достоевского, порвал с «Современником», не хотел, чтобы Софья Андреевна знакомилась с Некрасовым и терпеть не мог нигилистов (хотя Базаровым восторгался!). Пророчески понимал, что из нигилистов вырастут коммунисты и воздавал им должное:

«...Толпы́ их все грызутся,
Как свой откроют форум,
И порознь все клянутся
In verba вожакорум...»
(в верности вождям)

А чтобы не было сомнений в адресате:

«...Служите ж делу струны!
Уймите праздный ропот!
Российская коммуна,
Прими мой первый опыт!»

Его, как бы, «вневременная позиция» раздражала многих современников: им казалось, что он недостаточно любит простой народ (а тогда эта тема-любовь к простому народу- была, как никогда, поднята на щит), что стихи его лишены гражданственности и что слог его, порой, излишне высокопарен. Отвечая на эту критику, он писал Аксакову:

« Судя меня довольно строго,
В моих стихах находишь ты,
Что в них торжественности много
И слишком мало простоты...».

Он объясняет свою позицию, и в этом объяснение, как мне кажется, содержится то, что позднее стало называться символизмом русской поэзии: восприятие окружающих нас образов как символов иной реальности.:

«...Но все, что чисто и достойно,
Что на земле сложилось стройно,
Для человека то ужель,
В тревоге вечной мироздания,
Есть грань высокого призвания
И окончательная цель?
Нет, в каждом шорохе растенья
И в каждом трепете листа
Иное слышится значенье
Видна иная красота!
Я в них иному гласу внемлю
И, жизнью смертною дыша,
Гляжу с любовью на землю,
Но выше просится душа...»

Он как-то плохо вписывался в демократическое движение 60-х годов, и совсем не вписывался в придворную жизнь, для которой был уготовлен рождением и воспитанием. Поэтому он и сбежал сюда, в брянские леса, в свое имение: Красный Рог, где жил отшельником, анахоретом и мог всецело отдаться тому, в чем видел свое истинное призвание- служению искусству.

Я назвал его позицию «вневременной», имея в виду ироническую оценку, которую он давал различным периодам истории государства российского, подчеркивая одну неизменную сущность: «земля наша богата, порядка в ней лишь нет» В его время такие выражения как зависимость от газовой иглы или сидение на нефтяной трубе, едва ли употреблялись , но, оценивая наше время, думаю, он со свойственным ему лукавством сказал бы, также как и о своем:

«...Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,

Мы лучше умолчим...».

Если он какое-то время для себя и выбирал, то это была, столь милая его сердцу, Киевская Русь с ее простыми нравами, с ее богатырями, с ее вече и с неизменным Князем Владимиром, своего рода «разбойником благоразумным», который, вовремя осознал свои грехи, крестился сам и крестил свой народ. Впрочем, и эту его деятельность Алексей Константинович описывает с присущей ему иронией. Взять хотя бы такие строки:

« Добро,- сказал князь, когда выслушал он
Улики царьградского мниха,-
Тобою, отец, я теперь убежден,
Виновен, что мужем был стольких я жен,
Что жил и беспутно и лихо.

Что богом мне был то Перун, то Велес,
Что силою взял я Рогнеду,
Досель надо мною, знать, тешился бес,
Но мрак ты рассеял, и я в Херсонес
Креститься, в раскаянье, еду!»

Князь принимает увещание монаха, что прежде чем креститься он должен смириться душой, но выдвигает очень жесткие условия своего смирения: пусть де херсонесские купцы заплатят серьезный выкуп.

«...И шлет в Византию послов ко двору::

«Цари Константин да Василий!

Смирено я сватаю вашу сестру,

Не то вас обоих дружиной припру,

Так вступим в родство без насилий!»

Три дня, проведенные в Красном Роге в прогулках, чтении стихов и писем, пролетели быстро. На наше счастье все эти дни стояла теплая осенняя погода, и в ближайшей дубовой роще мы набрали много белых грибов (теперь обошлось без мигрени).....

В последний вечер я решил сходить в ту заболоченную часть леса, где во времена Алексея Константиновича мог бы быть глухариный ток. Ведь он писал своему другу Маркевичу, что в жизни нет ничего более таинственного, поэтического и прекрасного чем глухариный ток. Как я его понимаю! Сколько раз и мне доводилось пережить это счастье: услышать в глухой тишине ночного леса магические звуки- тэ-ке, тэ-ке и начать невольно двигаться «под песню», и увидеть глухаря , сидящего на суку какой- ни будь сосенки или елочки, и стать свидетелем того как свершает природа одно из величайших своих таинств- рассвет. Я описал когда- то эти ощущения в рассказе « На рассвете»¹, но это так, к слову.

Охотники часто приходят на ток накануне вечером, чтобы «подслушать», заметить то место, где глухарь с шумом садится на дерево, на котором ему предстоит переночевать. Это называется пойти «на подслух». Подойти в это время к глухарю очень трудно: он все прекрасно видит и слышит, но ночью охотнику легче к нему подкрасться и услышать сладчайшую песню: тэ-ке, тэ-ке.... Вот и я пошел «на подслух», хотя почти наверняка знал, что никакой глухарь не прилетит на этот выдуманный мной ток, и, что тот настоящий ток, на который Алексей Константинович ездил на коне, если еще и существует, находится верстах в 12 от усадьбы.

¹Г.А. Скребицкий, В.Г.Скребицкий «Хор охотников», Икар,2003..

Я не стал дожидаться темноты и, немного посидев в лесу, двинулся к нашей стоянке. Я вышел на поле, откуда вдалеке были видны огоньки села, постелил куртку и лег на еще теплую после солнечного дня землю.

Я думал о том, как рано он ушел! Ему было всего пятьдесят восемь лет. Последние годы его мучили ужасные невралгические боли, приступы удушья. Чтобы с ними справиться, он колол морфий и однажды после одного из уколов заснул и не проснулся... А возможно незадолго до этого, так же как и я, выходил из леса на луг, ложился на землю, смотрел в небо:

«...И думал я, в погасший глядя свод:

Куда меня так манит и влечет?

Проникнут весь блаженством был я новым,

Исполнен весь неведомых мне сил:

Чего в житейском натиске суровом

Не смел я ждать, чего я не просил-

То свершено одним, казалось, словом,

И мнилось мне, что я лечу без крыл,

Перехожу, подъят природой всею,

В один порыв неудержимый с нею! ...»

Я лежал на земле, читал мысленно эти строки, понимал, как мне кажется, их настроение, и надеялся пережить нечто подобное. Но, увы, атараксия не приходила, а в голову лезла всякая ерунда: что-то вроде того, что у автомобиля в заднем мосту какой-то стук, где найти станцию техобслуживания, и, если не поедем через Брянск, то, где ближайшая заправка? Наверно, это было потому, что он приезжал сюда не на старом автомобиле, и - это, конечно, главное, - потому, что до последней черты ему

оставалось несколько месяцев, а мне, по крайней мере, тридцать с лишним лет.

На следующее утро мы уехали.

.....

....

. Приступая к написанию этого эссе, я подумал, что неплохо бы съездить в Красный Рог, оживить впечатления, может быть что-то увидеть по-новому (По впечатлениям своей прошлой поездки я написал рассказ «На закате».¹) А с другой стороны- думал я- может и не надо ездить- известно ведь в какую сторону у нас все меняется: приедешь, а на том месте, где Алексей Константинович стоял на тяге проходит забор в два человеческих роста или асфальтированная дорога (что, впрочем, менее вероятно). Так что я легко уговорил себя не ехать. Хотя, в общем-то, наверно, напрасно - съездить стоило, да лень- матушка- вот, что нами движет, или, вернее, мешает двигаться.

Но все же я не поленился заглянуть в Интернет и прочесть, что «...В 1836 г. А.А. Перовский скончался, оставив все владения племяннику, Алексею Константиновичу Толстому, *известному* русскому писателю...» В другой ссылке прочел, что-он «*замечательный* поэт, прозаик и драматург». Еще в школьные годы меня умилял этот табель о рангах: Лев Толстой- великий, Гоголь- гениальный, Лесков- выдающийся...Интересно, «известный» и «замечательный»- это больше чем «выдающийся» или меньше?

Итак, на следующее утро мы уехали. Погода испортилась: как это бывает осенью: после нескольких ясных теплых дней вдруг подул сильный ветер, небо заволочло, начал моросить дождь. Я тут же вспомнил, что у машины плохо работают дворники, и поспешил отчаливать.

¹Г.А. Скребицкий, В.Г.Скребицкий. «Хор охотников».. Икар, 2003.

Мы проехали через село, мимо входа в усадьбу, мимо Успенской церкви, близ которой похоронен он и Софья Андреевна и выехали на дорогу, ведущую в Выгоничи. Здесь я остановился и вышел из машины. Дождь прекратился, и в прорывах туч начало появляться голубое небо. Я оглянулся на Красный Рог, и то сумбурное, торопливое настроение которое владело мной утром, сменилось радостным чувством- я сделал то, о чем мечтал так долго- прикоснулся к местам, в которых жил и творил великий русский поэт Алексей Константинович Толстой.

Москва. Март, 2012.

..